

ТОРЖЕСТВА ПРИ ЕВРОПЕЙСКИХ ДВОРАХ В СООБЩЕНИЯХ «САРМАТСКИХ» ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ*

Филип Воляньский

Вроцлавский университет,
Вроцлав, Польша

CELEBRATIONS AT EUROPEAN COURTS AS VIEWED BY “SARMATIAN” TRAVELLERS

Filip Wolański

University of Wrocław,
Wrocław, Poland

This article considers the way inhabitants of the Polish-Lithuanian Commonwealth perceived European court ceremonies as reflected in their travel notes. More particularly, the author analyses texts of the eighteenth century, where the ceremonies described are treated as some of the most important elements of symbolic communication between the authorities and society. Eighteenth-century travelogues provide a comprehensive idea of contacts with royal courts and social elites (political but also cultural and even academic), which does not comply with the stereotypical image of such situations. Starting with the late seventeenth century, court culture mostly relied on French models, which is why the article presents ceremonies at the court of Versailles described by travellers from the nobility, clergy, and from a woman's perspective. The author also describes ceremonies and etiquette of the imperial court in Vienna, as well as the very specific ceremonial of the Roman court. The latter was characterised by the participation of the Pope. The analysis relies on intercultural communication research methods.

Keywords: court ceremonies; travel notes; intercultural communication; history of Polish culture of the 18th century; 18th-century European culture.

* *Citation:* Wolański, F. (2020). Celebrations at European Courts as Viewed by “Sarmatian” Travellers. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1230–1240. DOI 10.15826/qr.2020.4.524.

Цитирование: Wolański F. Celebrations at European Courts as Viewed by “Sarmatian” Travellers // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1230–1240. DOI 10.15826/qr.2020.4.524 / Воляньский Ф. Торжества при европейских дворах в сообщениях «сарматских» путешественников // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1230–1240. DOI 10.15826/qr.2020.4.524.

Рассматривается проблема восприятия жителями Речи Посполитой, оставившими после себя путевые заметки, церемоний и придворных торжеств, функционировавших в европейской культуре. Анализируются реляции XVIII в., а описываемые торжества трактуются как один из важных элементов символической коммуникации власти и общества. Из дорожных дневников XVIII в. возникает целостная картина контактов с монаршими дворами и общественными элитами (не только политическими, но также культурными и даже научными), которая не вписывается в стереотипные представления о подобных ситуациях. С конца XVII в. придворная культура развивалась под влиянием прежде всего французских образцов. Поэтому в статье показаны церемонии при версальском дворе, описанные путешествующими представителями шляхты, духовенства и даже женщинами. В то же время описаны церемонии и этикет императорского двора в Вене, а также очень специфический церемониал, которого придерживались в Риме. В последнем случае исследуется характер торжества с участием папы римского. При проведении анализа использовались методы исследования межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: придворные церемонии; реляции путешественников; межкультурная коммуникация; история культуры Польши XVIII в.; европейская культура XVIII в.

В европейской культуре раннего Нового времени церемонии и придворные торжества были одним из наиболее значимых элементов ритуальной коммуникации. Функционирование тогдашнего государства невозможно представить без этих зрелищ, имеющих отношение к власти. События, связанные с правителем и его окружением (или, говоря шире, двором), маркировали существование иерархически организованного сословного общества, а также артикулировали позиции монархов и связанных с ними элит. Вместе с тем, они способствовали формированию общественных связей (символических и реальных), которые были следствием существовавших тогда общественных отношений [Rothenbuler, s. 73–92]. Поэтому их необходимо рассматривать как интегральный элемент общественной коммуникации того времени, функционирующей в рамках данной культуры, а также процесса, обусловленного определенными культурными кодами и практиками.

С конца XVII в. придворная культура развивалась на основе прежде всего французских образцов. Их влияние было особенно сильным при дворах немецких государств, хотя достигало также территории Восточной Европы. В Речи Посполитой чрезвычайно оживленные связи с французской культурой существовали на протяжении всего XVII в. Особенно они усилились в период правления Яна III Собеского, когда польский король оказался связан с Францией также политически [Fabiani, s. 13–17; Serewański]¹. В саксонскую эпоху, которая охватывает период правления

¹ В первой половине XVII в. важную роль в контактах с придворной французской культурой сыграл приезд Марии-Людвики Гонзаги – жены сначала Владислава IV Вазы, а позже Яна-Казимира.

династии Веттинов в Польше, становится значимым влияние немецкой придворной культуры, и прежде всего саксонской. Однако в данном случае следует учитывать роль французского влияния на немецкие княжеские дворы. Это особенно ярко прослеживается в Саксонии в период правления Августа II и Августа III, представлявших саксонскую династию Веттинов [Staszewski, 1989, s. 64–94; Staszewski, 1998, s. 11–23].

Анализируя значение придворных торжеств в Речи Посполитой, необходимо учитывать ее специфику – господство здесь политической идеологии шляхты практически превращало это государство в республику. Следует не забывать, что в «сарматской» (старопольской) культуре церемониальные практики и торжества, связанные с функционированием королевского двора, в XVIII в. не достигли настолько сложной формы, как в странах Западной Европы. Шляхта высоко ценила политический строй Речи Посполитой и связанные с ним собственные привилегии. Слишком нарочитая концентрация внимания на особе монарха или агрессивное экспонирование его власти могли интерпретироваться как выражение опасных стремлений короля к усилению своих позиций или даже абсолютистских амбиций [Grześkowiak-Krwawicz, 2003; Grześkowiak-Krwawicz, 2018, s. 173–215].

Представления жителей Речи Посполитой о сфере властных полномочий монарха или о способе функционирования дворов правителей вступали в сильное противоречие с реальностью во время зарубежных путешествий. Опыт старопольских путешественников, вызванный контактами с реалиями общественной жизни в других европейских странах, можно считать разновидностью встречи с явлением различия, понимаемым как антропологическая категория. Подобный опыт можно также вписать в характерный для этого случая процесс межкультурной коммуникации, когда своя система ценностей и представлений (например, об общественном порядке) вступает в конфронтацию с чужой или отличающейся от собственной культурой и ее аксиологией [Mikulowski-Pomorski, s. 361–369]. Результатом такого опыта становилось взаимодействие во время путешествий с культурно чуждым окружением, что приводило к адаптации к его реалиям (конечно же, в тех пределах, которые были возможны и необходимы в ходе вояжа). Наблюдение за торжествами, связанными с функционированием двора, нужно трактовать как контакт с особенной формой манифестации чужой культуры в ее элитарном, но также глубоко символическом смысле.

Со страниц старопольских дорожных реляций XVIII в. встает образ контактов с дворами монархов и общественными элитами (не только политическими, но также культурными и даже научными), который не соответствует стереотипным представлениям о подобных ситуациях². Чрезвычайно важным фактором, который играл

² На первый взгляд, такие ситуации можно ассоциировать с официальными торжествами, важными публичными событиями. Но подобные реляции, хотя и присутствуют в старопольских травелогах, составляют очевидное меньшинство.

определяющую роль в подобном опыте, был общественный статус путешественника. Не подлежит сомнению, что жители Речи Посполитой, оставившие сообщения о своих поездках [Przestrogi i nauki dla dzieci]³, принадлежали к узко понимаемой элите тогдашнего общества [Dziechcińska, 1991, s. 69–105; Dziechcińska, 1988]. Тем не менее, в данной группе наблюдаются существенные отличия, связанные с общественным происхождением, образованием, целями путешествия и даже полом тех лиц, которые писали свои дневники.

Совсем разный характер носили контакты с зарубежными придворными реалиями священников (а многие из них были монахами) [Wolański, 2011] и молодых магнатов, совершавших образовательные поездки. Примером священника, посетившего французский королевский двор, может быть реформат⁴ Протасий Неверани, который в 1740 г. пересек Францию по дороге на генеральный капитул своего ордена в испанском Вальядолиде [Neverani]. В то же время иные акценты в изложении впечатлений о своем пребывании в схожей ситуации расставляет Казимир-Нестор Сапега, оказавшийся в Версале во время своего образовательного вояжа в 1773–1776 гг. В нашем распоряжении есть также женские реляции, в частности, Феофилы-Констанции Моравской из Радзивиллов, представительницы одного из влиятельнейших родов Речи Посполитой, путешествовавшей по Европе в 1773–1774 гг. [Morawska z Radziwiłłów]. Ее мотивации и ее оценки увиденного имели свои особенности, обусловленные не только принадлежностью к высшей польско-литовской знати, но и гендерным аспектом. Например, Моравская не скрывала того, что очень рассчитывала увидеть короля Франции. Не будет преувеличением сказать: она посетила Версаль именно для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. В реляции Моравской красочно описывается публичный ужин Людовика XV и его семьи (включая дофина), в котором она участвовала в октябре 1773 г. Комментируя эту придворную практику, она написала, что король «часто ест публично, стремясь тем самым угодить интересующимся иностранцам» и своим подданным. Ей мешал переполненный людьми зал, в котором происходила церемония публичного ужина королевской семьи. Зато она была вполне довольна местом, которое ей определили, – очень близко от стола, за которым сидел государь.

Моравская была внимательной наблюдательницей и зафиксировала много мелких деталей, касающихся короля и его семьи. По ее мнению, Людовик XV выглядел на 60 лет, но казался очень здоровым,

³ Руководители монашеских конгрегаций предписывали собратьям, собирающимся в дорогу, составлять отчеты о своем путешествии. Рекомендации о необходимости ведения дневника можно также найти в инструкциях об образовании, подготовленных родителями для детей, которые выезжали за границу для обучения. Наконец, рекомендовалось составлять донесения об официальных визитах (например, посольств).

⁴ Реформаты в данном случае – название в Речи Посполитой одного из течений обсервантской ветви ордена св. Франциска.

импонируя Моравской своей энергией и бодростью. Его дочерей (Аделаиду, Софию и Викторину) она хвалила за красоту, хотя и подчеркивала, что те тучные. Путешественница, как и многие другие подобные ей мемуаристы, удивлялась красоте и стилю Марии-Антуанетты. Интересно, что Моравская поневоле акцентировала внимание на том, насколько рутинной была эта придворная церемония для королевской семьи. В частности, она вспоминала о спокойствии, царившем во время ужина; о немногословии короля, сосредоточенного на исполнении своей роли; о похожем поведении других членов двора. Путешественница, привыкшая к характерным в ее культурной среде обычаям, критиковала качество и стиль сервиса и кушаний, которые подавались королевской семье. Писала о них как о самых обычных, подчеркивая тем самым рутинный характер события, в котором она принимала участие [Morawska z Radziwiłłów, s. 71–72].

Совсем в другом положении оказался Протасий Неверани, который также выбрался в Версаль из Парижа. Однако этот монах, как и положено францисканцу, проделал весь путь пешком, не пользуясь услугами почты или нанятых извозчиков. Прибыв на место, Неверани воспользовался в Версале гостеприимством и помощью польского священника Антония Лабишевского, духовника королевы Франции Марии Лещинской [Encyklopedia wiedzy o jezuitach, s. 383]⁵. Лабишевский показал Неверани королевский дворец, который монах по размерам (вместе с садами) сравнил с Замостьем. Он, однако, не имел шанса увидеть короля в ситуациях, которые были составной частью ежедневного этикета, пояснив, что ни одному монаху нельзя приблизиться к королю, даже если кто-то достойный поручится, что монах не замышляет ничего дурного. «Когда же монахи внезапно встретят короля, или когда упросят его дать аудиенцию, – уточнял дальше Неверани, – то должны встать вдалеке и, отбросив плащ, руки держать на груди сложенными крест-накрест; этот закон действует с тех пор, как доминиканец убил короля Генриха Валуа» [Neverani, s. 207–208]⁶.

Неверани вспоминал, что ему все же посчастливилось увидеть Людовика XV, который возвращался с охоты [Ibid., s. 207]. Реформат также смог встретиться с королевой Марией Лещинской. Он и сопровождавшие его в путешествии монахи были представлены ей отцом Лабишевским. Эта правительница, которая была известна своей религиозностью, граничащей с фанатизмом, щедро одарила польских реформатов. Каждый из них получил по 75 франков, что в сумме составило 600. Эта милостыня позволила священникам профинансировать дальнейшее путешествие до самой Испании. Благодарный Неверани хвалит королеву, подчеркивая, что она

⁵ Антоний Лабишевский (ум. в 1748 г.) – духовник сначала Станислава Лещинского, а позже его дочери Марии. Вопреки распространенному мнению, он не был иезуитом.

⁶ П. Неверани имеет в виду Жака Клемана – доминиканца, который совершил покушение на Генриха III Валуа.

приняла их «с большой доброжелательностью и очень приветливым лицом», добавляя также, что «было нам там хорошо благодаря ее величеству королеве и его милости о. Лабишевскому» [Neverańi, s. 208]. Здесь необходимо заметить, что описанная практика, хотя и была особенной с точки зрения монаха, применялась повсеместно по отношению к польским священникам, которым удавалось предстать перед лицом королевы.

Стоит упомянуть еще одну реляцию, где говорится об этикете, обязательном во время версальских церемоний. Речь идет о сообщении Францишека-Ксаверия Богуша, который посетил Версаль весной 1778 г. Богуш был экс-иезуитом, епархиальным священником, визитатором школ Комиссии национальной эдукации⁷ в Речи Посполитой, типичным интеллектуалом эпохи Просвещения [Encyklopedia wiedzy o jezuitach, s. 54–55]. Священник присутствовал на частном и публичном обедах Людовика XVI. Как и Моравская, он обращал внимание на подробности церемонии, но особенно интересовался ее практическими аспектами. Будучи знатоком театра и оперы, Богуш хвалил музыкальное сопровождение обедов и качество хлеба. Интересно, что на него также не произвела хорошего впечатления сервировка королевского стола, священника также удивила скромность поданной еды. Это интересная особенность мнения Богуша: как человек Просвещения он преимущественно хаял придворную роскошь. Однако, будучи рационалистом, он также старался понять причины проведения значимых публичных торжеств (в том числе придворных). Структура его рассказа в конечном итоге обуславливалась спецификой всего дневника, который информировал прежде всего о вопросах, связанных с естественными и техническими науками, а также о контактах с людьми, занимающимися исследовательской деятельностью или связанными с научной мыслью эпохи Просвещения.

Определенную конкуренцию французскому двору составлял императорский двор в Вене. В «Истории моего века и людей, с которыми я жил», написанной знаменитым поэтом Францишек Карпиньским, содержится подробное описание торжеств, организованных габсбургским двором в связи с выездом во Францию Марии-Антуанетты, которая должна была стать женой Людовика XVI. Описывая обед в честь эрцгерцогини, Карпиньский подчеркивал, что пришел заранее с целью «насмотреться на величие и этикет императорского двора» еще в процессе сервировки стола. Он с удивлением заметил, что камергер, раскладывая салфетки с монограммами Марии-Терезии, «прежде чем положить на стол, сначала поклонился этим буквам, поцеловал, и лишь потом клал» [Karpiński, s. 69].

⁷ Эдукационная комиссия (Komisja Edukacji Narodowej; Komisja nad Edukacją Młodzi Szlacheckiej Dozór Mająca) – руководящий орган системы просвещения в Речи Посполитой (1773–1794), условный аналог министерства просвещения. – Прим. ред.

Карпиньский подчеркивал, что генералы подавали золотые блюда, а за столом, имеющем форму буквы «П», сидели только ближайшие члены императорской семьи (всего восемь человек). Карпиньский был поражен постным меню императорского обеда, что обуславливалось «строгим католицизмом» императрицы. Особенно удивил его император Иосиф, который ограничился тем, что съел рака и булку [Karpiński, s. 69–70]. Карпиньский не называет целей публичного торжества, которое безусловно было призвано экспонировать значение императорского двора и показать семейное единство Габсбургов в момент бракосочетания Марии-Антуанетты с дофином. Для поляка наблюдение за данным явлением было редкостной возможностью присмотреться к императрице Марии-Терезии и императору Иосифу II. Невзирая на литературную конвенцию нарратива Карпиньского, его очарование описываемой ситуацией, кажется, все-таки было искренним.

Он также описывал торжества, организованные на следующий день в связи с выездом Марии-Антуанетты, которая покидала Вену между рядами вооруженных солдат. Карпиньский заметил:

...Когда она (как говорят) в зале попрощалась с матерью, там также присутствовали император, ее братья и сестры. Попрощавшись, никто из них, однако, даже в другую комнату не вышел ее провести, чтобы не унизиться – ведь она пошла замуж за дофина, а они были императорским семейством. И чтобы забыть саму природу ради пустого этикета! [Karpiński, s. 69–70].

Карпиньский не скрывал своего возмущения отношением семьи к эрцгерцогине, что обуславливалось принятой им повествовательной конвенцией. Этот сюжет его реляции по форме близок к литературному описанию, ретранслирующему услышанную от кого-то информацию, придающую ей дополнительный драматизм, необходимый для наделения сцены соответствующей эмоциональной нагрузкой. В данном случае автор осуждает этикет, диктат которого исключал нормальные семейные отношения между ближайшими родственниками (в том числе матерью и дочерью или братом и сестрой).

На фоне описанных придворных практик интересно будет рассмотреть реляции польских священников об их контактах с римским папой (как правителем) и его окружением, которое можно считать разновидностью двора [Rok, 2011; Rok, 2010; Wolański, 2005]. Примером описания, касающегося ватиканских реалий, является донесение реформата Ремигия Завадского о его пребывании в Риме во время генерального капитула его монашеской конгрегации в 1750 г. [Szteinke]. Папа римский тогда участвовал в выборе нового генерала ордена, свидетелем чего был монах. Излагая свои наблюдения, польский францисканец писал:

Почти в девять часов по нашему времени мы услышали звон колоколов нашего костела, на основании чего догадались, что приходит его святейшество Бенедикт XIV из семьи Ламбертини, любезнейший председатель нашего генерального капитула. Итак, вошел его святейшество и сел на свой трон посреди костела, от земли поднятый на четыре ступени, установленный и прекрасно приспособленный для него прямо перед большим алтарем. Мы все, делегаты, стали на колени, низко склонив головы, и получили благословение от папы римского.

Церемония выборов была очень сильно сакрализирована благодаря присутствию понтифика. Но к этому обязывала и сама процедура. Например, перед голосованием каждый делегат приносил присягу, что сделает честный и тщательно обдуманный выбор, после чего, «поцеловав распятие и открытый на каноне служебник, а также отдав честь коленопреклонением, бросал бюллетень в урну» [Diariusz podróży Remigiusza Zawadzkiego, s. 149–150].

После голосования члены счетной комиссии ордена присягали, что будут вести честный подсчет голосов перед тронем римского папы. Следует заметить, что, в отличие от описаний церемоний при светских дворах, в реляции Завадского из Ватикана доминирует информация о формальных процедурах события. Неудивительно, что в данном случае была старательно представлена католическая литургия со всеми ее особенностями, обусловленными характером торжества во время генерального капитула ордена. Реформат записывал свои впечатления с мыслью о том, что они будут своего рода отчетом для собратьев в Речи Посполитой. Поэтому Завадский стремился передать как можно больше подробностей. Необходимо также добавить, что к подобной манере изложения путешественников обязывала старопольская культурная традиция, которая живо присутствовала в этом жанре литературы XVIII в. [Wolański, 2001].

Проблематика, связанная с местом придворных церемоний в культуре Европы, требует дальнейшего исследования. На наш взгляд, методологическая рефлексия исторических наук ныне предлагает очень широкий спектр методов для потенциального анализа. Рассмотрение этого явления в перспективе межкультурной коммуникации может помочь раскрыть новые аспекты контактов жителей Речи Посполитой и близкой им Западной Европы. В XVIII в. способ восприятия взаимоотношений со странами Запада чрезвычайно сильно зависел от социального происхождения и, например, образования. Специфические черты культуры общества Речи Посполитой интересно отражаются в зеркале дорожных реляций, авторы которых были любознательны к окружающему миру и способны к самостоятельной рефлексии по отношению к нему, но при этом оставались верными собственной аксиологии.

Список литературы

Diariusz podróży Remigiusza Zawadzkiego pielgrzymującego do Rzymu na kapitułę generalną (1750) / red. M. Chachaj, M. Czapińska, A. Szeinke, B. Rok. Kraków ; Wrocław : Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2014. 184 s.

Dziechcińska H. O staropolskich dziennikach podróży. Warszawa : Instytut Badań Literackich Polska Akademia Nauk, 1991. 121 s.

Dziechcińska H. Podróż – jej miejsce w świadomości społecznej // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1988. Vol. 33. S. 27–52.

Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995 / red. L. Grzebień. Kraków : WAM, 2004. 882 s.

Fabiani B. Warszawski dwór Ludwika Marii. Warszawa : PIW, 1976. 150 s.

Grzechowiak-Krwawicz A. Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów : Pojęcia i idee. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. 451 s.

Grzechowiak-Krwawicz A. Czy król był potrzebny w Republice? Polscy pisarze polityczni wieku XVIII o miejscu i roli monarchy w Rzeczypospolitej : Zarys problematyki // Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy / red. R. Skowron. Kraków : Nowa Galicja, 2003. S. 467–484.

Karpiński F. Historii mego wieku i ludzi, z którymi żyłem / red. R. Sobol. Warszawa : PIW, 1987. 296 s.

Mikulowski-Pomorski J. Jak narody porozumiewają się ze sobą w komunikacji międzykulturowej i komunikowaniu medialnym. Kraków : Wydawnictwo Prac Naukowych Universitas, 2006. 404 s.

Morawska z Radziwiłłów T. K. Diariusz podróży 1773–1774 / red. B. Rok. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 259 s.

Neverani P. Diariusz drogi Hiszpańskiej (1740) // Europejskie drogi staropolskich peregrynantów. Relacje Teofila Szemberga, Protazego Neveraniego i Franciszka Bielińskiego / red. B. Rok, F. Wolański, D. Piwowarczyk, T. Babnis. Kraków : Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2018. S. 167–323.

Przestrogi i nauki dla dzieci. Instrukcje edukacyjne (XVIII w.) / red. M. E. Kowalczyk, D. Żołądz-Strzelczyk. Wrocław : Chronikon, 2017. 463 s.

Rok B. Staropolscy duchowni na szlakach turystycznych Europy w XVIII w. // Społeczny wymiar turystyki / red. E. Kościak. Wrocław : Gajt, 2011. S. 9–23.

Rok B. Europejskie relacje podróżnicze franciszkanów polskich XVIII w., – poszukiwanie sacrum, odnajdywanie profanum // Kościół w Polsce. Dzieje i kultura. 2010. T. 9. S. 245–264.

Rothenbuler E. W. Komunikacja rytualna. Od rozmowy codziennej do ceremonii medialnej. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003. 206 s.

Serewański M. Kształtowanie się stronnictwa profrancuskiego na dworze polskim w wiekach XVI i XVII // Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy / red. R. Skowron. Kraków : Nowa Galicja, 2003. S. 219–233.

Staszewski J. August II Mocny. Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Ossolineum, 1998. 316 s.

Staszewski J. August III Sas. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź : Ossolineum, 1989. 306 s.

Szeinke A. Podróż Remigiusza Zawadzkiego OFM (1703–1775) na kapitułę generalną do Rzymu w 1750 r. // Rzeczpospolita między okcydentalizmem a orientalizacją. Przestrzeń wyobrażeń / red. F. Wolański, R. Kołodziej. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009. S. 87–96.

Wolański F. Realia podróży zakonnych peregrynantów w świetle staropolskich narracji – poszukiwanie realiów europejskich. Konfrontacja krajów Zachodu z kulturą Rzeczypospolitej w XVIII w. // Staropolski ogląd świata. Tożsamość i odmienność / red. B. Rok, F. Wolański. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. S. 140–163.

Wolański F. Administracja państwowa w oczach duchownych podróżujących po Europie i państwie tureckim w XVIII w. // Klasztor w państwie średniowiecznym i nowożytnym / red. M. Derwicha, A. Pobóg-Lenartowicz. Wrocław ; Opole ; Warszawa : DiG, 2005. S. 505–510.

Wolański F. Zadanie peregrynanta w czasie podróży w świetle osiemnastowiecznych instrukcji // *Viae historiae*. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lechowi Tyszkiewiczowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin / red. M. Goliński, S. Rosik. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2001. S. 494–499.

References

Chachaj, M., Czapińska, M., Szeinke, A., Rok, B. (Eds.). (2014). *Diariusz podróży Remigiusza Zawadzkiego pielgrzymującego do Rzymu na kapitułę generalną (1750)*. Kraków, Wrocław, Wydawnictwo Księgarnia Akademicka. 184 p.

Dziechcińska, H. (1988). Podróż – jej miejsce w świadomości społecznej. In *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. Vol. 33, pp. 27–52.

Dziechcińska, H. (1991). *O staropolskich dziennikach podróży*. Warszawa, Instytut Badań Literackich Polska Akademia Nauk. 121 p.

Fabiani, B. (1976). *Warszawski dwór Ludwiki Marii*. Warszawa, PIW. 150 p.

Grzebień, L. (Ed.). (2004). *Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995*. Kraków, WAM. 882 p.

Grześkowiak-Krwawicz, A. (2003). Czy król był potrzebny w Republice? Polscy pisarze polityczni wieku XVIII o miejscu i roli monarchy w Rzeczypospolitej. Zarys problematyki. In Skowron, R. (Ed.). *Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy*. Kraków, Nowa Galicja, pp. 467–484.

Grześkowiak-Krwawicz, A. (2018). *Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Pojęcia i idee*. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 451 p.

Karpiński, F. (1987). *Historii mego wieku i ludzi, z którymi żyłem* / ed. by R. Sobol. Warszawa, PIW. 296 p.

Kowalczyk, M. E., Żołądź-Strzelczyk, D. (2017). *Przestrogi i nauki dla dzieci. Instrukcje edukacyjne (XVIII w.)*. Wrocław, Chronikon. 463 p.

Mikułowski-Pomorski, J. (2006). *Jak narody porozumiewają się ze sobą w komunikacji międzykulturowej i komunikowaniu medialnym*. Kraków, Wydawnictwo Prac Naukowych Universitas. 404 p.

Morawska z Radziwiłłów, T. K. (2002). *Diariusz podróży 1773–1774* / ed. by B. Rok. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 259 p.

Neverani, P. (2018). Diariusz drogi Hiszpańskiej (1740). In Rok, B., Wolański, F., Piwowarczyk, D., Babnis, T. (Eds.). *Europejskie drogi staropolskich peregrynantów. Relacje Teofila Szemberga, Protazego Neveraniego i Franciszka Bielińskiego*. Kraków, Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, pp. 167–323.

Rok, B. (2010). Europejskie relacje podróżnicze franciszkanów polskich XVIII w., – poszukiwanie sacrum, odnajdywanie profanum. In *Kościół w Polsce. Dzieje i kultura*. T. 9, pp. 245–264.

Rok, B. (2011). Staropolscy duchowni na szlakach turystycznych Europy w XVIII w. In Kościak, E. (Ed.). *Spoleczny wymiar turystyki*. Wrocław, Gajt, pp. 9–23.

Rothenbuler, E.W. (2003). *Komunikacja rytualna. Od rozmowy codziennej do ceremonii medialnej*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 206 p.

Serewański, M. (2003). Kształtowanie się stronnictwa profrancuskiego na dworze polskim w wiekach XVI i XVII. In Skowron, R. (Ed.). *Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy*. Kraków, Nowa Galicja, pp. 219–233.

Staszewski, J. (1989). *August III Sas*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Ossolineum. 306 p.

Staszewski, J. (1998). *August II Mocny*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Ossolineum. 316 p.

Szeinke, A. (2009). Podróż Remigiusza Zawadzkiego OFM (1703–1775) na kapitułę generalną do Rzymu w 1750 r. In Wolański, F., Kołodziej, R. (Eds.). *Rzeczpospolita między okcydentalizmem a orientalizacją. Przestrzeń wyobrażeń*. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, pp. 87–96.

Wolański, F. (2001). Zadanie peregrynanta w czasie podróży w świetle osiemnastowiecznych instrukcji. In Goliński, M., Rosik, S. (Eds.). *Viae historiae. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lechowi Tyszkiewiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, pp. 494–499.

Wolański, F. (2005). Administracja państwowa w oczach duchownych podróżujących po Europie i państwie tureckim w XVIII w. In Derwicha, M., Pobóg-Lenartowicz, A. (Eds.). *Klasztor w państwie średniowiecznym i nowożytnym*. Wrocław, Opole, Warszawa, DiG, pp. 505–510.

Wolański, F. (2011). Realia podróży zakonnych peregrynantów w świetle staropolskich narracji – poszukiwanie realiów europejskich. Konfrontacja krajów Zachodu z kulturą Rzeczypospolitej w XVIII w. In Rok, B., Wolański, F. (Eds.). *Staropolski ogląd świata. Tożsamość i odmienność*. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, pp. 140–163.

The article was submitted on 15.01.2020